
У вокзала ночного
Ничего не узнать, обомлев,
Кроме лязга стального,
Кроме треска кошмарных деревьев.

Запинаются строки,
Заикается старый мотив:
«Мы теперь одиноки,
Разлюбив, разлюбив, разлюбив...»
Мы с тобой одиноки –
Легкокрылые два лепестка.

У железной дороги,
У пивного ларька,
У ночного вокзала,
Навострив на Созвездье зрачѐк,
То ли ты мне сказала,
То ли сам это выдумать смог.

Тяжелее потери
В жизни не было, знаешь сама.
«Осторожнее! Двери
Закрываются...» В тамбуре – тьма.

Д. Н.

Года пройдут, но мы не постареем –
Щетиной зарастѐм и захиреем
От жизни сволочной, бутылок, рюмок.

Однажды, выйдя в белый переулок,
Мы станем наблюдать за облаками
И грызть окурки жадными зубами.
Но нам уже прицелился в затылок
Разбитый полк пустых пивных бутылок.

Не принимай серьезно эти речи,
Поскольку в писанине человеческой
Кокетство от пророчества порою
Неотличимо трезвой головою...

Пришли со спортзала в двенадцатый кабинет.
Узнали, что Ромы Зыбякина больше нет.
Рома разбился с родителями в Твери.
Что там, не знаю, но никого не спасли.
Что там, не помню, может быть, тормоза...
Может быть, дальний свет ослепил глаза...

Или же вспять повернул сумасшедший шар...
Я – пятиклассник – в этом не понимал.
Не понимаю этого и сейчас.
Как это смерть выбирает – прищунив глаз?
Каков механизм? Кто дёргает за рычаг?
Кто отстаёт, кто прибавляет шаг?
Рому Зыбякина в узкий одели гроб.
Я отвернулся, вдруг не заплакать чтоб,
Вдруг не увидеть чтоб посиневших век.
Здравствуй, Роман. До свидания, человек.